

НИЩЕТА.

Невдалекѣ отъ Сѣнной площади стоитъ грязный, большой, угловой домъ въ три жилья, два верхнія подъ харчевнями, а въ нижнемъ подвальномъ пріютилась нужда; тунеядцы съ тружениками живутъ стѣна обѣ стѣну. Изъ подвала на дворъ выходитъ много низенькихъ, грязныхъ дверей у каждой по большому скользкому сугробу: жильцы льютъ помои прямо изъ дверей подъ ноги.

На верхъ такого пригорка вынырнулъ мальчикъ, въ оборванномъ ватномъ кафтанчикѣ, широко раскинувъ руки и съ крикомъ: «Эхъ, вы нуу!» мигомъ на ногахъ съѣхалъ съ горы, опять взбѣжалъ, опять съѣхалъ, еще разъ взбѣжалъ и уперся о голову маленькаго брата, который медленно вылѣзалъ изъ подвала.

— Чего балуешь, Гараська, проговорилъ онъ дѣтскимъ басомъ, но Гараська съ посвистомъ уже катился съ горки.

— Ребята, а ребята, звучно кликнула имъ мать: вы смотрите, умники, идите прямо подъ вѣсы, тамъ завсегда нагружено сѣно, а съ воевъ нахрапомъ не берите, не озорничайте; ну коли добрый челоуѣкъ навернется, то поклонитесь, попросите, скажите: сами ишь ни крохи не ѣли съ утра, да и у коровушки ни порошинки нѣту, честию просите, можетъ и подадутъ добрые люди!

— Ладно, скажу, протяжно дѣтскимъ басомъ отозвался меньшей, Павлуша, и зашагалъ мѣрнымъ, увѣсистымъ шагомъ.

— Какъ же, честию просите, передразнилъ Гараська, видя, что мать ушла; — небось честию много возьмешь! Что сцапаль то и есть.

— Ребята, закричала мать: — а коль Грушку увидите, за ухо ведите домой!

— Ладно, приведемъ, весело отвѣтилъ Гараська. Видя же, что меньшей братъ, своею мѣрною поступью далеко опередилъ его, мальчикъ мигомъ подлетѣлъ къ Павлушкѣ съ салазками, и кидая ему

веревочку, закричалъ: — Запрягайся что ли, ты въ корень, а я въ пристяжку!

Ребята запряглись, коренная побѣжала крупной, ровной рысью, а пристяжная лихо завивалась въ кольцо: пустые санки понеслись стрѣлой, къ Сѣнной площади.

— Куда такъ тепло снаряжился, Паша, спросилъ молоденькій подмастерье, перебѣгая ребятишкамъ дорогу. — Никакъ материну кофту подцѣпилъ, шутливо сказалъ мальчику двоюродный братъ его.

— Мама сама укутала и платкомъ повязала, протяжно отвѣчалъ мальчикъ.

— Вы куда это покатили? спросилъ Сеня.

— За сѣномъ, крикнулъ Гараська и сталъ крутить головой, ржать и попрыгивать, стоя на мѣстѣ.

— Дома, что ли, мать? спросилъ мальчикъ.

— Дома! отвѣчали ребята.

— А ты, Сѣма, къ намъ, что ли?

— Да, на минуточку.

— Ну ладно, протяжно сказалъ меньшей.

Сѣма пошелъ впередъ, а мальчики понеслись на Сѣнную.

Отправивъ ребятъ по сѣнцо, мать вернулась въ гнилую, душную, полутемную комнату; только ея желѣзному здоровью и выносить было эту сырь, грязь, дымъ и вѣчную погребную стужу. У бѣдной Аксины стало бы желанья и силы вычистить грязь изъ своего жилья, но какъ ее вычистить? полъ мыть нельзя! онъ кирпичный, выбитый, весь въ яминахъ, до оконъ тоже дотронуться нельзя, они съ самаго начала зимы такъ примерзли, что ледъ шишками насѣлъ, да инеемъ, какъ снѣгомъ, покрылся; среди бѣлаго дня въ комнатѣ темно, какъ въ позднія сумерки; штукатурка, то и дѣло, мѣстами валится, а печь, такъ ужъ это сушая бѣда: грѣтъ не грѣтъ, печь не печетъ, а дымить и чадить до зеленоу! И сегодня, какъ изо дня въ день, приходится бабѣ возиться съ нею; затопила она ее немногими полѣшками, поставила въ чугунокъ воды.... «А что варить? купить не на что; въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ ничего!» Въ коробкѣ лежитъ сухая

ржаная краюшка, да пригоршни съ двѣ крупы; пододвинула Акси́нья коробокъ, заглянула въ него, и пригорюнилась, на обѣ руки поникла головой: «вотъ те и ѣда, подумала она и на сегодня и на завтра и Богъ знаетъ на сколько времени! Мужъ въ больницѣ, хозяину за три мѣсяца за квартиру задолжали, коровушка, кормилица наша, сама безъ корму, еле жива стоитъ. И все это онъ, мужъ, думаетъ Акси́нья, онъ и одежонку пропилъ, и у нѣмца хозяина, сказываютъ, задолжалъ; велитъ теперь корову продавать, а чѣмъ безъ нея жить станешь?»

Изъ люльки слышалось кряхтенье, потомъ плачь, а горечь подступала хозяйкѣ подъ сердцѣ. Нуу, не реви, не реви! закричала она сердито на ребенка, однако болѣзненный крикъ не унимался; съ досадой взяла она малютку и усѣлась съ нимъ на кутникѣ, гдѣ спала вся семья; ребенокъ жадно прильнулъ къ груди, выкарабкался ручонками изъ дыряваго одѣяльца и обнялъ мать. Дѣтская улыбка, тихій взглядъ поминутно закрывающихся

глазенокъ, наконецъ чувство удовольствія, что хоть одного можетъ накормить, расположили ее къ болѣе мирнымъ мыслямъ: и все—то это проклятое вино, да злодѣи товарищи виноваты; жили мы прежде безъ драки, безъ брани; всего было вдоволь, даже коровушку склотившись купили, а коровушка и поила и кормила насъ чуть не круглый годъ! Акси́нья стала припоминать время сватовства, какъ боялась она, что господа потребуютъ за невѣсту большаго взноса, и разойдется у нихъ дѣло; но ее, за службу старика отца, отпустили даромъ, даже десять рублей подарили на свадьбу. Счастливы были молодые; чисто, укромно въ комнаткѣ, согласно на сердцѣ; но старики, — отецъ, мать, все что—то хмурились, кропочась, такъ и въ могилу съ тѣмъ сошли. «Матушка, родимая! али сердце вѣщунъ у тебя, судьбу мою сказало!» Такъ чуть не вслухъ, думаетъ Акси́нья, а слезы тихо, незамѣтно текутъ по здоровымъ румянымъ щекамъ.

— Здорово, тета! а тета, здорово! крикнуль въ другой разъ Сёма. Тетка вздрогнула.

— Ахъ, Сема, это ты! а я словно вздремнула: батюшка, да покойница матушка, да наша сторона примерещились.

— Ты, тета, никакъ и во снѣ плачешь? спросилъ мальчикъ, глядя на необсохшіе потоки на щекахъ. Аксиныяхватила ладонью себя по лицу, и сама удивилась мокрымъ щекамъ.

— Ты, умникъ, отколѣва?

— Хозяинъ съ работой посылалъ, ужъ я три мѣста обѣжалъ; вотъ тебѣ гостинецъ, сказалъ мальчикъ и бросилъ теткѣ въ колѣни четвертакъ, да нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Голубчикъ ты мой! золотой мой! все—то ты на насъ убытчишься, а у самого гляди—ко какая фуражка! сказала Аксиныя, поглядывая на плохонькую линючую шапченку.

— Живеть! сказалъ Сёма, тряхнувъ ею, — и больше бы тебѣ принесть, кабы бары сами изъ своихъ рукъ на чай давали, а

то мошенники лакеи должно быть утаиваютъ; ужъ они тамъ, брякаютъ, брякаютъ мѣдяками; одинъ два трешника даль, а другой мнѣ пятакъ изъ своего кармана вынулъ. Нежто это барская подачка! А дядя что? спросилъ мальчикъ.

— Въ четвергъ была въ больницѣ, говорятъ плохъ, забывается, ну да Богъ милостивъ, не впервые ему эдакъ-то болѣть, отлежится, встанетъ. Ужо ребята придутъ, такъ опять сбѣгаю провѣдать. Племянникъ, голубчикъ, ласкательно просила Аксиныя, — сбѣгай, купи на копѣйку соли, да на копѣйку капустки, да на остальные десять говядинки мяконькой, безъ костей, чай фунтика два дадутъ.

Племянникъ побѣжалъ, а тетка въ радости готовить горшочекъ и, думаетъ, какъ она мелко на мелко искрошить говядину во щи, какъ изрѣжетъ краюшку хлѣба на тоненькіе ломоточки и высушить ихъ сухариками, а ребята станутъ ихъ грызть, да мясными щами заѣдать. Между тѣмъ наши ребятишки выскакали съ салазками прямо на Сѣнную.

— Сѣна—то, сѣна—то что понавезли, говорилъ Павлуша, окидывая площадь глазами, — и не пройдешь!

И подлинно, торгъ былъ большой, воза стояли тѣсно, другъ противъ дружки; покупатели, осторожно пролѣзая, обходили ихъ. Одинъ нюхалъ сѣно, другой мялъ его въ рукахъ, тотъ подталкивалъ возъ съ боку, нѣкоторые запускали руку, пробуя крѣпко ли онъ навить, а самые рьяные покупатели взлѣзали на возъ и, покачиваясь, обминали его и, удостовѣрясь что сѣно продается безъ обману, спускались и начинали торговаться.

Свѣжій, здоровый запахъ сѣна далеко разносится надъ базаромъ, легко и весело имъ дышется.

— Гараська, а Гараська! ты куда? кричалъ Павлуша, замѣтя, что братъ юркнулъ межъ возовъ: — а мама—то наказывала прямо къ вѣсамъ идти?

— Чего орешь, отозвался Гараська, выскакивая изъ—за воза съ большимъ пучкомъ сѣна. — Эка беззубая баба! говорилъ старшій мальчишка, дразнясь и

надергивая меньшому козырекъ фуражки на носъ.

— Не ба-луй, пробасиль Павлуша оправляясь.

— Не балуй, передразнилъ его Гараська, а ты чего кричишь на весь базаръ?

— Да мама сказала, идите прямо, къ вѣсамъ, повторилъ мальчикъ.

Павлуша былъ очень послушенъ, исполнительенъ и даже совѣстливъ, каждое приказаніе матери цѣликомъ ложилось въ мысли его, а чтобы лучше удержать слова, онъ зачастую повторялъ ихъ про себя. Скажутъ имъ обоимъ: «ребята, не уходите изъ горницы, покараульте маленькаго брата,» и ужь какъ ни вертись Гараська, какія забавы ни выдумывай, ни за что не уговорить брата хоть на минуту выбѣжать изъ комнаты: — «Мама не велѣла,» пробасить мальчикъ, и сидитъ себѣ какъ вкопанный. «Золотой это у меня мальчишка растетъ, говаривала мать, отводя душу съ племянникомъ; весь въ дѣда пошелъ, и лицомъ, и рѣчью, и поступью; ты ему хоть гору сахару высыпь, да закажи трогать, ни

за что не тронетъ!» Слушаль, слушаль такія рѣчи мальчикъ, и ему весело становилось на сердцѣ; мать хвалить и гладить; тогда, бывало, у него ноздри раздувались и губы подергивались для усмѣшки, но вдругъ онъ начиналъ хмуриться и отдувать губы: онъ зналъ, что за похвалой ему послѣдуетъ брань Гараськѣ. А Гараська и ухомъ не ведетъ на материны слова, онъ съ двухъ трехъ лѣтъ, что называется, былъ захваленъ: экой молодецъ, проворъ—мальчикъ! говорили люди, дивясь необычайной прыткости и бойкости его. Но молодечество съ годами стало переходить въ озорничество, онъ сталъ бѣгать отъ труда и дѣла, даже отъ всякой путной мысли. Пошлютъ ли зачѣмъ, онъ, не дослушавъ, летитъ сломя голову; заговорить ли съ нимъ заботливая мать, онъ только свиснетъ, кувыркнется — и былъ таковъ. «Господи, и удержу—то нѣтъ на этого мальчишку!» говорила бѣдная женщина. Но былъ удержъ, была узда крѣпкая, да на бѣду никто не замѣчалъ ее; то были тихія, кроткія рѣчи его крестной

матери, осьмидесятилѣтней старушки—протопопицы; слова тѣ падали рѣдкимъ, но добрымъ сѣменемъ въ его сердце, прозябали тамъ и дозрѣвали въ головѣ: «Чти отца твоего и мать твою,» тихо и строго слышались ему слова, сказанныя иногда за мѣсяць, и эти—то слова удерживали мальчика отъ непочитанья родителей, по его понятіямъ, т. е. отъ брани зубъ за зубъ, какъ это бывало сплошь да рядомъ у его товарищей.

— Мама сказала, идите прямо къ вѣсамъ, повторилъ Павлуша.

— Ну, идите къ вѣсамъ, коверкаясь передразнилъ Гараська: — нешто вѣсы не тамъ, и онъ махнулъ рукой впередъ; мы къ нимъ и идемъ, а ты по дорогѣ знай проси сѣнца у мужичковъ.

«Честью проси,» мелькнуло въ памяти ребенка, вотъ онъ постоялъ, подумалъ и подошелъ къ первому мужику.

— Дяденька, а дяденька, пожалуй сѣнца, сказалъ онъ кланяясь, у насъ, мама говорить, лысенка съ вечеру безъ корму

стоитъ; да и у самихъ ни крохи во рту не было!

Мужикъ посмотрѣлъ на честную открытую рожицу мальчика, повернулся къ возу, потеревилъ его и далъ порядочную охабку сѣна, говоря: «Вотъ вамъ съ лысенкой!» Павлуша размашисто поклонился и пошелъ далѣе къ другому сѣннику; тотъ молча подалъ ему клокъ. Отвѣсивъ такой же поклонъ, мальчикъ пошелъ далѣе. «А тутъ знать хозяинъ отлучился», думаетъ онъ вслухъ, заглядывая межъ воевъ. Вдругъ откуда ни взялся мужикъ, да прямо на него съ кулаками.

— Это ты пострѣленокъ сѣно-то воруюшь? И налетѣлъ на него ястребомъ и ну его теревить, да колотить.

— Эй, не замай малаго, кричали сосѣдніе мужики, что подали Павлушѣ сѣнца, но видя, что товарищъ ихъ больно осерчалъ и ничего не слышитъ, бросились отымать ребенка; драчунъ на послѣдяхъ сорвалъ съ мальчика фуражку и швырнулъ ее черезъ улицу. Павлуша бросился подымать ее и въ

это время мимо его пролетѣли санки, задѣвъ слегка мальчика; барыни, сидѣвшія въ нихъ, вскрикнули. «Не ушибли ли мы мальчика?» спросила старушка, сидѣвшая въ саняхъ, «онъ плачетъ!» Кучеръ, тряхнувъ головой, отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ—съ, должно быть его потрепали, видно сѣно таскаетъ.»

— Тетя душка, вели вернуться, закричала встревоженная дѣвочка.

Старушка приказала кучеру подѣхать къ ребенку.

Кучеръ съ трудомъ удержалъ разбѣжавшуюся лошадку, круто повернулъ ее и поѣхалъ тихо назадъ.

Мужики сошлись около мальчишки и, жалѣя его, навалили передъ нимъ кучу сѣна; но Павлуша ревѣлъ во все горло, поглядывая на изорванную кофту матери и приговаривая: «Я такъ и мамѣ скажу, я честью просилъ, а онъ дерется!» — «Честью, честью, повторяли зрители: — это правда,» а виноватый мужикъ кричалъ во все горло:

— Я почемъ знаю, онъ ли, не онъ, а я видѣлъ, что какой-то сгребъ у меня сѣна, да и уволокъ его! Много ихъ тутъ шатается, не устережешь!

— Уволокъ! перебранивался Павлушинъ заступникъ, кабы за чужую вину, да тебя на сходкѣ высѣкли, такъ ты бы чай не такъ заораль!

Къ этимъ рѣчамъ подѣхала Марья Александровна съ своей воспитанницею Вѣрой Посошковой. Узнавъ въ чемъ дѣло, она спросила: «Мальчикъ, хочешь, чтобы мы твоей Лысенкѣ купили большой возъ сѣна?» Павлуша отнялъ на минуту отъ глазъ кулаки, посмотрѣлъ на барыню и молча принялся размазывать грязь по лицу; ему показались господскія рѣчи шуткой или простымъ утѣшенемъ. Старушка приказала кучеру сторговать и выбрать хорошій возъ. Мужики обступили барынь, расхваливая каждый свое сѣно. «Возьмите мое, настоящее заливное.» «Нѣтъ, ужъ коли для коровы, такъ мое пригоднѣе будетъ, по залѣскамъ кошено и съ листикомъ и съ цвѣткомъ!» говорилъ другой.

Пока шли толки о сѣнѣ, молоденькая дѣвушка, Вѣра, разговаривала съ мальчикомъ; должно быть онъ ей также совѣстливо передалъ слово въ слово наказъ матери, потому что Вѣра живо обернулась къ своей воспитательницѣ и стала просить ее сей-же часъ заѣхать посмотрѣть, какъ живетъ мать Павлуши. — Кажется въ страшной бѣдности, прибавила она, съ умильной просьбой во взглядѣ.

— Мы вѣдь опоздаемъ къ обѣднѣ, — сказала Марья Александровна, но потомъ, подумавъ немного, прибавила: — а какъ же мы съ сѣномъ будемъ, вѣдь мальчику надо при возѣ остаться, говорила она, глядя на Павлушу, у котораго отъ радости и щеки и ноздри отдувались.

— Возу-то я пожалуй покажу дорогу, прокричалъ Гараська, который вдругъ какъ изъ земли выросъ, явился тутъ и юлилъ около господскихъ саней.

— Ну, чумазый, полѣзай что ль сюда, сказалъ кучеръ, указывая Павлушѣ на мѣсто подлѣ себя, вишь возище какой выплакалъ!

Ливрейный лакей всталъ на запятки, и санки быстро покатились къ большому удовольствію Вѣры, и скоро остановились у знакомаго намъ лазу; мальчикъ мигомъ юркнулъ въ него, за нимъ съ трудомъ спустились барыни. Дома ждало Павлушу новое горе: мать, переставляя щи, невзначай зацѣпила за котелокъ съ кипяткомъ и весь его, какъ есть, вылила себѣ на ногу. За стыдомъ только не плакала баба. Сынъ сталъ утѣшать мать свою вѣстью о сѣнѣ, но Марья Александровна перебила его, говоря:

— Тебѣ, милая, непременно надо снять чулокъ и обвязать ногу ватой, а то послѣ не справишься.

— Пытала, матушка, да гдѣ его снять! словно зубами держать ногу!

Наставница потолковала съ своей воспитанницей и рѣшили послать человѣка за ватой; Аксиною же посадили на лавку, поставили ей ногу на стулъ обѣ барыни стали совѣтоваться, что дѣлать, какъ снять чулокъ.

— Если бы костяной ножикъ былъ съ нами, говорила Марья Александровна, я бы его тихонько засунула, а ты острымъ ножичкомъ перерѣзала на немъ чулокъ. Вѣра пошла искать по угламъ, увидала огромныя желѣзныя ножницы, хотѣла взять ихъ, но Аксинья сказала: «Охъ, барышня, ими ничего не сдѣлаешь, онѣ только хряпаютъ, а не рѣжутъ.» Дѣвушка пошла далѣе, стала перебирать столярный снарядъ хозяина и къ великому счастью вытащила чисто отдѣланную узенькую кленовую линеечку. Радостно бросилась она съ нею къ старушкѣ:

— Вѣдь это, тетя, не хуже костяного ножа?

Та осмотрѣла гибкую линеечку, сдѣланую видно на заказъ; вынула изъ кармана перочинный ножичекъ, скруглила имъ одинъ конецъ линейки, и стала ее легонько запускать за чулокъ съ боку, а Вѣра осторожной и твердой рукой рѣзала чулокъ на линейкѣ; такъ дошли они до щиколотки, гдѣ дѣло пошло погруднѣе; натянутый чулокъ едва только отдѣлялся

отъ ноги; наконецъ однако же его разрѣзали весь, и Марья Александровна сняла шерстяной чулокъ, мокрый и жесткій какъ лубокъ. Аксинья заохала, потому что нога, освободившаяся отъ тисковъ, мгновенно сильнѣе заболѣла. Вѣра стоитъ надъ багровой, раздувшейся ногой и смотреть то на нее, то на сморщившееся отъ боли лицо больной. Вѣра старалась думать только о томъ, какъ—бы лучше пособить больной, а ее увлекало неразумное чувство состраданія, нервная изнѣженность: ей стало дурно.

— Матушка—барышня, отойди, отойди, родная, что тебѣ тутъ стоять, кричить Аксинья, замѣтивъ необычайную блѣдность Вѣры.

Наставница же, взглянувъ на свою воспитанницу, ласково кивнула головой и подала водицы; нѣсколько глотковъ освѣжили дѣвочку и она бодро принялась развязывать принесенную вату и отдѣливъ толстый, длинный пласть, остановилась въ раздумьѣ надъ ногой.

— Клади смѣло, сказала наставница, обкладывая все обожженное мѣсто.

Вѣра проворно нагнулась, обвинила ступню и стала накладывать на голень. Кончивъ это, дѣвушка подняла голову и замѣтила, по лицу больной, что она успокоилась.

— Теперь бы надо чѣмънибудь обвязать ногу, хоть бы полотенцемъ, проговорила она, вопросительно глядя на свою наставницу.

— Павлушка, подай-ка ручникъ, коимъ я тебя давеча подпоясывала, сказала мать сыну, который изъ всѣхъ силъ закачивалъ въ зыбкѣ маленькаго брата.

— Начинай снизу, сказала старушка, — повязка будетъ лучше держаться, а тамъ зашьемъ.

— Ногу обвинили ручникомъ. Зашиваетъ Вѣра обороты полотенца, чтобы оно не съѣзжало, а у самой сердце такъ и бьется отъ радости, что перевязка удалась; игла колетъ и вправо и влѣво торопливые пальчики, но это не бѣда, главное дѣло сдѣлано! Чинно и прямо сложа руки, по

обычаю своего института, стоитъ Марья Александровна надъ своей питомицей; вся душа ея прильнула къ Вѣрѣ, но дѣвочка не услышитъ отъ нея похвалы ни въ глаза, ни за глаза. Не оскорбитъ разумная наставница похвалою чистаго чувства, не пригнететъ она въ возникающемъ человѣкѣ понятія о долгѣ и живаго, горячаго къ нему стремленія. Одинъ крѣпкій поцѣлуй будетъ ободреніемъ Вѣрѣ, которая вслѣдъ за тѣмъ радостно бросится къ ней, восклицая: «Тетя, тетя, душка, я кончила!»

— Мама, куда сѣно валить? слышался въ дверяхъ голосъ Гараськи, сѣнникъ не хочетъ ждать, говоритъ на земь поскидаю!

— Ахъ, батюшки свѣты! Ахъ, да куда же и впрямь дѣвать его, говорила баба, мечась изъ стороны въ сторону. Вѣра сунула Павлушѣ ассигнацію, велѣвъ отдать ее матери, а сама, воспользовавшись суматохой, выбралась кой-какъ съ тетей на свѣжій воздухъ.

— Куда же мы теперь? спросила Марья Александровна, въ Хамовники къ обѣднѣ не

поспѣемъ; вези насъ, сказала она кучеру, въ первую церковь.

Лысенка, заслышавъ свѣжій кормъ, радостно замычала, проворно выдернула у Павлушки изъ охабки пукъ сѣна, замотала головой и принялась за работу; постоялъ мальчикъ съ минутку около коровы молча, радуясь, что вотъ Лысенка скоро наѣстся и на завтра, и на послѣзавтра, и можетъ быть, на цѣлый мѣсяцъ станетъ съ нее корма; потомъ побѣждалъ онъ помогать сваливать сѣно; набили имъ двѣ клѣтушки, одну свою, другую сосѣдкину, и остатки велѣла Аксинья поскидать къ нимъ въ комнату. То-то раздолье ребятамъ, сѣна накидано до потолка, лазятъ по немъ, уминаютъ его, прыгаютъ, какъ кузнечики, раскинувъ руки, катаются съ горы то навзничъ, то ничкомъ. Мать, наохавшись и нарадовавшись на такую гибель сѣна, хватилась барынь, но ихъ и слѣдъ простылъ! Павлуша сказалъ, что онѣ уѣхали, когда сѣно привезли, да приказали ей отдать деньги, которыя мальчикъ за неимѣніемъ кармана вытащилъ изъ—за сапога.

— Батюшки мои, да что это за благодать такая! вскричала баба, зарыдавъ и всплеснувъ надъ головой руками, и денегъ—то что, и сѣна—то недѣль на шесть хватить! За что это Господь милуетъ! а я, грѣшница, съ которой поры и въ церкви—то не была! Съ себя она перешла на другаго, истиннаго грѣшника, передъ Богомъ и людьми, на своего негодяя мужа: хоть бы хозяину—то какъ повѣстить, думаетъ она, можетъ статья въ память пришелъ, какъ порадовался—бы!

А хозяинъ ея объ эту пору былъ уже тамъ, гдѣ нѣтъ похмѣлья, гдѣ отрезвившійся человѣкъ, прямо во всѣ глаза взглянетъ на прошлую жизнь свою, взглянетъ и не станетъ у него силы отвернуться отъ ежедневныхъ, ежечасныхъ мыслей и дѣлъ своихъ. Въ тоскѣ за себя, въ страхъ за своихъ, онъ попросить повѣстить семьѣ о томъ, какъ слѣдуетъ жить, но ему отвѣтятъ: «Тамъ, на землѣ есть законы, есть заповѣди, по нимъ живите.»

— Сбѣгать бы мнѣ къ мужу въ больницу, думаетъ Аксинья, да какъ я съ обваренной ногой пойду? ребятъ послать, безпремѣнно опоздають, никакъ ужъ достойная отошла, а шутка ли дѣло — отсюда до Мясницкой! Да и перемерзнуть они, вишь морозъ какой завернуль, а одеженка у нихъ плохенькая!

Теперь у Аксињи есть деньги, могла бы послать ребятъ на извозчикѣ провѣдать отца, но по привычкѣ такая роскошь ей и на мысль не идетъ. Взглянувъ случайно въ проталинку стекла, она закричала ребятишкамъ:

— Поглядите—ка, не Груша ль это идетъ?

Гараська выскочилъ и тотчасъ же вернулся съ крикомъ: — Грушку ведутъ.

— Вотъ вамъ дѣвица ваша, извольте получить ее, говорила курносая, плотная баба, высоко заноса ногу черезъ порогъ и таща за собою пятилѣтнюю дѣвочку.

— Спасибо тебѣ, Арина Васильевна, гдѣ это ты ее нашла?

— А въ кабакѣ, матушка: иду я со знакомой бабенкой, вдругъ, словно подъ ногами что завизжало, не то щенокъ, не то

поросенокъ, глядь, а это твоя дѣвчонка сидить на приступочкѣ кабака, словно мерзлая кочерыжка на грядѣ! Я къ ней, — ты молю что тутъ? «Я съ тетенькой Лукиничной, она мнѣ пряничка дастъ.» — Вишь, негодная старушонка, знаетъ, что ради младенца, всякій скорѣе подастъ, и взяла ребенка по міру водить, привела да и посадила кабакъ караулить! Сердце у меня взорвало, хотѣла идти побраниться, да ну ее со всѣмъ, плюнула на порогъ, да взявши ребенка и пошла къ тебѣ.

— А! стойка, доченька, проучу я тебя бѣгать изъ дому съ потаскушкой. — Гараська, закричала грозно мать: выдерни—ка мнѣ пруть изъ голика!

Заслышавъ эти грозныя слова, дѣвочка съ ревомъ грянулась о земь; ребятишки знали, что коли мать осерчаетъ, то больно бьетъ. Павлушка первый бросился къ матери, и хватая ее за руки уговаривалъ:

— Ты ужь ее прости теперь, мама, ужь пусть ее, не замай, а коли что въ другой разъ напроказить, такъ я самъ отколочу, право, не бѣгай она изъ дому, говорилъ

онъ, самъ чуть не плача; онъ понималъ, что сестра провинилась, а все—таки ему стало жаль ее.

— И подлинно, ты, мать, прости ее, она ни впредь, ни опосля не станетъ, прибавила бѣлоглазая однодомка, подымая и заставляя ее поклониться матери въ ноги: — что съ нее взять, глупа, какой грѣхъ на ней? вѣдь младенецъ!

Гараська стоялъ съ голикомъ въ рукахъ, закинувъ голову на бокъ, сердце у него корбило не то къ слезамъ, не то къ смѣху; кажись былъ—бы тутъ товарищъ, да поднялъ бы Грушку на смѣхъ, и Гараська присталъ бы къ нему, но теперь ему слышались слезныя просьбы брата, сиповатые уговоры сосѣдки, а пуще всего жалобный плачь сестры; и неопредѣленное чувство мальчика, готово было сказаться плачемъ: такъ сильно дѣйствуетъ на дѣтей вліяніе окружающихъ. Заслышавъ слова матери: «ну ладно, быть по вашему!» онъ всхлипнувъ перевелъ духъ и бросился тычкомъ головою въ сѣно, поднялся къ

верху ногами, взмахнулъ и заболталъ ими на воздухъ.

Узнавъ о неожиданномъ богатствѣ бѣдняковъ, наохавшись и надивившись вдоволь, Арина силымъ шопотомъ посовѣтовала Аксиньѣ поубраться маленько съ деньгами до прихода хозяина.

— Ты того, лебедка, за фатеру пережъ всего заплати, а тамъ въ лавочку сколько ни—на—есть отдай, вѣдь твое дѣло таковское, такъ лавочникъ ину пору и пообождетъ на тебѣ, участливо говорила баба, размахивая и потыкивая руками. На выходѣ погрозила она Гараськѣ, сказавъ: — бѣдовый это у тебя мальчикъ растеть, Аксиньюшка!

— Боекъ, охъ ужъ какъ боекъ! тоскливо отвѣчала хозяйка.

Мальчикъ вдругъ опустилъ ноги, съѣхалъ на спинѣ и локтяхъ внизъ, и схватился за шапку.

— Куда? спросила сердито мать.

— Можетъ еще застану крестную въ церкви, такъ съ паперти домой сведу,

отвѣтилъ Гараська, и понесся стремглавъ въ свою приходскую церковь.

Въ одной изъ древнихъ низенькихъ московскихъ церквей обѣдня перешла далеко за половину, отъ столбовъ и перемычекъ все громче и громче несется молитвенный шопоть старушекъ.

Въ одномъ изъ такихъ гнѣздышекъ пріютились двѣ старушки: одна худошавая, высокая, блѣдная, какъ бѣлый воскъ; голова повязана бѣлымъ кисейнымъ платкомъ, такимъ же тонкимъ платкомъ обвернуто горло и зашпилено у самага подбородка, а кончики старательно заткнуты кругомъ подъ-воротъ темнаго левантиноваго капота; весь видъ старушки былъ такой старинный, такой необыкновенный, что не одни дѣти засматривались на нее и на ея вишневый шелковый платокъ съ затканой по немъ золотистой сѣткой. Прозрачная бѣлизна, кроткая усмѣшка и ясный взглядъ были слабымъ отблескомъ душевной чистоты и спокойствія вдовой протопопицы. Весь молящійся приходъ зналъ и любилъ

Маріанну Яковлевну. Другая старушка толстая, красная, по слабости отекавшихъ ногъ, сидѣла на стулѣ, и зная службу на память, читала обѣдню въ полголоса, нерѣдко опережая причтъ, строго поглядывала ворча на него, и браня почти вслухъ за пропущенную молитву, косилась на прихожанъ, и тутъ же вслухъ осуждала тѣхъ, кого не досчитывалась.

Въ эту-то церковь попали Марья Александровна съ Вѣрой; онѣ торопливо вошли и стали немного впереди обѣихъ старушекъ.

— Гляди-ка мать моя, говорила толстая старуха, обращаясь къ протопопицѣ, — глядика когда пожаловали, а кажись, вонъ та-то немолоденькая, чтобы нѣжиться да проклаждаться, и внучку-то бы могла поучить!

Безсмысленнымъ слухомъ пронеслись слова эти мимо ушей наставницы; уши ея какъ запертыя двери были недоступны для внѣшняго говора, она благоговѣнно слѣдила за совершеніемъ литургіи, духовный

смысль которой понимала до послѣдняго обряднаго движенія священника и дьякона.

Но Вѣра, вспылчивая отъ природы, не успѣвъ углубиться въ себя, была сильно затронута жесткимъ замѣчаніемъ ворчливой прихожанки; краска негодованія зардѣлась на лицѣ ея. Точно легкій отблескъ того же румянца освѣтилъ лицо старой протопопицы; строгія морщины появились на лбу и около губъ старушки.

— О-охъ, соблазнъ ты мой, Дарья Ильинична, думаетъ она, потомъ прибавила вслухъ: — Матушка Дарья, Дарья Ильинична, чужа душа потемки, можетъ ихъ-то молитвы доходчивѣ нашихъ, а мы съ тобой пришли и рано, да много нагрѣшили: не во многоглаголаніи спасеніе.

Сказавъ это, она опустилась на колѣни, разостлала передъ собой подоль капота и, припавъ къ нему головою, стала молиться вполголоса; на мгновеніе возмущившаяся душа ея успокоилась на великопостной молитвѣ любви и смиренія: «Ей, Господи Царю, даруй мнѣ зрѣти моя прегрѣшенія и

не осуждати брата моего», проговорила она сердечнымъ шопотомъ.

«Чей это добрый, тихій голосъ,» думаетъ Вѣра, хотѣлось бы ей повернуться, посмотрѣть на свою защитницу, но она привыкла съ дѣтства стоять въ церкви, какъ вкопанная. Вотъ ужъ и съ третьимъ выносомъ выходитъ священникъ, вотъ идетъ онъ дать отпустъ: «Съ миромъ изыдите....», а Вѣра еще не успѣла собраться съ мыслями, она только ревностно перекрестилась и сердечно вздохнула.

Знаетъ и внемлетъ Господь каждому чувству смиреннаго сердца, вылетаетъ ли оно вздохомъ, недосказаннымъ словомъ, или облекается въ дивныя слова царя-пѣвца. Всѣ наши молитвы собираются у подножія Господня, но исполнятся ли молитвы эти и когда? то дѣло премудраго Отца!

— Пойдемъ, Вѣрочка, ко кресту, говоритъ Марья Александровна, — уже всѣ приложились; дѣвушка встала и пошла за нею.

— Тебѣ, барышня, антидору не досталось? сказала Вѣрѣ знакомый, кроткій голосъ ея заступницы.

Обернувшись, она увидала старушку протопопицу, которая ласково глядѣла на нее своими изсиня-сѣрыми, зоркими глазами.

— На вотъ тебѣ нашу приходскую просвирочку, кушай на здоровье! Замѣтивъ, что Вѣра хочетъ сломить верхушку, чтобы подѣлиться съ нею, старушка проворно остановила ея руку:

— Нѣту, нѣту, не отдѣляй естества Божескаго отъ человѣческаго; св. отцы говорятъ: верхняя часть просфоры прообразуетъ въ Господѣ Іисусѣ Божье начало, а нижняя — человѣческое.

Видя недоумѣніе обѣихъ барынь, старушка усмѣхнулась и, какъ бы отвѣчая на ихъ мысль, сказала:

— Ужъ это такое мое повѣрье, что кто кушаетъ верхнюю часть, тотъ чтобы кушалъ и нижнюю, а не раздѣлялъ бы ихъ.

— Крестная, а крестненькая, я за вами пришелъ, помочь вамъ съ паперти сойти,

говорилъ робко Гараська, глядя всей душой на протопопицу; узнавши же прощающихся съ нею барынь, онъ какъ-то смѣшался.

Тихонько и заботливо ведя старушку, онъ все ей что-то рассказывалъ, а она, склонясь къ нему, слушала; когда же восклонилась и посмотрѣла въ вслѣдъ Вѣры, то ихъ уже не было.

— Укажи ей, Господи, пути Твои, и да любить и хранить душа ея повелѣнія Твои! такъ, набожно крестясь, шептала старушка.

Чувствовала ли Вѣра великость благословенія, которое несло ей вслѣдъ? Едва ли; но она ѣхала домой довольная и покойная.
